

Юрий

Поляков

Одноклассники

геометрия
любви

Юрий Михайлович Поляков

Одноклассники (сборник)

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181128*

*Одноклассники: АСТ, Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-059079-7, 978-5-271-23693-8, 978-985-16-7060-0*

Аннотация

Юрий Поляков – главный редактор «Литературной газеты», член Союза писателей, автор многих периодических изданий. Многие его романы и повести стали культовыми. По мотивам повестей и романов Юрия Полякова сняты фильмы и поставлены спектакли, а пьесы с успехом идут не только на российских сценах, но и в ближнем и дальнем зарубежье.

Он остается верен себе и в драматургии: неожиданные повороты сюжета и искрометный юмор диалогов гарантируют его пьесам успех, и они долгие годы идут на сценах российских и зарубежных театров.

Юрий Поляков – мастер психологической прозы, в которой переплетаются утонченная эротика и ирония; автор сотен крылатых выражений и нескольких слов, которые прочно вошли в современный лексикон, например, «апофегей», «господарищи», «десоветизация»...

Кроме того, Поляков – соавтор сценария культового фильма «Ворошиловский стрелок» (1997), а также автор оригинальных сценариев, по которым сняты фильмы и сериалы.

Настоящее издание является сборником пьес Юрия Полякова.

Содержание

Драмы прозаика	5
Халам-бунду, или Заложники любви	13
Действующие лица:	13
Акт первый	14
Акт второй	66
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Юрий Михайлович Поляков Одноклассники (Сборник)

Драмы прозаика

Сознаюсь: в пору литературной молодости пьес я не писал и даже не помышлял об этом. Пьесами, точнее инсценировками, становились мои ранние, «перестроечные» повести: «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Работа над ошибками»... Это случалось как-то само собой: вдруг звонили из театра, спрашивали согласие (видимо, вызывают странные прозаики, возражающие против инсценировок!), а потом приглашали уже на премьеру. Именно так произошло с «Работой над ошибками», которая долго шла в питерском ТЮЗе имени Брянцева, вызывая бурные споры учащихся и учительствовавших зрителей.

Впрочем, бывало и позамысловатее. Например, первым поставить мою нашумевшую повесть «ЧП районного масштаба» вызвался Марк Розовский. Он взял с меня честное слово, что я больше никому не отдамся, и надолго исчез. А тут вдруг с лестным предложением позвонил Олег Табаков, открывший свою «Табакерку». Я, верный слову, бросился

разыскивать Розовского и обнаружил его в нашем писательском парткоме уплачивающим взносы. Помявшись, он честно объяснил, что горком ВЛКСМ одарил его театр-студию списанными креслами, и теперь ему неудобно ставить что-то критическое о комсомоле.

В результате первым спектаклем «Табакерки» стало «Кресло» – сценическая версия «ЧП». Кстати, именно тогда мне впервые пришлось столкнуться с коварством театра. Прочитав инсценировку, я горячо возразил против некоторых мест, искажавших повесть. Автор сценической версии жарко со мной согласился и обещал все исправить. Надо ли объяснять, что ни одно мое пожелание учтено не было. Позже я понял: автор в театре беззащитен, как прохожий, забредший в зону контртеррористической операции...

Но эти огорчения оказались пустяком в сравнении с тем, что случилось в Ленинграде. «ЧП» задумал поставить в «Александринке» Игорь Олегович Горбачев, пригласил молодого режиссера – даму, и не пожалел средств. Правда, мне тоже пришлось попотеть: год я буквально жил в «Красной стреле», дописывал сцены, переделывал диалоги, придумывал репризы... И вот, когда были расклеены афиши, поступило мнение из Смольного: «Не надо!» На «Ленфильме» Сергей Снежкин как раз начал снимать одноименный фильм, и начальство решило: для колыбели трех революций двух «ЧП» многовато. Театральная премьера не состоялась.

Я, конечно, закручинился, жалея о напрасно потрачен-

ном времени, но тут в «Юности» вышла моя повесть «Апофегей», и мне позвонил обаятельный завлит театра имени Маяковского с пушкинской фамилией Дубровский. Он сказал: вас хочет видеть сам Андрей Александрович Гончаров. Замечательный режиссер, похожий на орла, поседелого в комфортабельной неволе, объявил, что непременно поставит «Апофегей» на сцене «Маяковки», но... Это «но», облагороженное умнейшими рассуждениями о тонкостях эстетического сопряжения прозы и сценического действия, сводилось, как мне стало со временем ясно, к одному: в повести слишком уж ехидно изображены партработники, а они ведь тоже люди!

Далее без малого два года я приносил один вариант за другим, и каждый, по словам завлита с пушкинской фамилией, оказывался лучше предыдущего, но... И я брел дорабатывать текст, постепенно накапливая в душе яд «антисценизма» или «театрофобии». Это уж кому как нравится. Но тут грянул август 1991-го. Еще не успела отликовать победившая демократия, как я бросился к своим мучителям: мол, теперь-то можно все-все-все! И снова услышал «но». Только на сей раз сквозь умнейшие рассуждения о сценическом инобытии прозаического образа сквозили другие сомнения: а не слишком ли мягко изображены в «Апофегее» номенклатурные монстры партии? И тут я поклялся никогда больше близко не подходить к театру. Разумеется, в качестве автора. Но, как говорится, никогда не говори «никогда». После

выхода в 1996-м моего романа-эпиграммы «Козленок в молоке» мне позвонил Вячеслав Шалевич и завел речь о постановке в театре имени Рубена Симонова. Писать инсценировку, помня обиду, я отказался наотрез. Но профессиональный драматург, с которым театр заключил договор, выдал такую халтуру, что я, сев переписывать, от отчаянья сочинил пьесу по мотивам собственного романа, а Эдуард Ливнев поставил блестящий спектакль, который идет десять сезонов и всегда при переполненном зале.

Но и это радостное событие вряд ли заставило бы меня стать сочинителем пьес, если бы, как всякий нормальный человек, я не ходил в театр. А что я мог там увидеть? Чаще всего – новаторски оскверненный труп классики или современную драму про обитателей городской помойки, которые, матерясь, мечутся между промискуитетом, вечностью и наркотой. Нередко можно было нарваться и на прокисшие антисоветские капустники. В лучшем случае давали импортную комедию, очень смешную, но ее содержание, увы, намертво забывалось в тот момент, когда гардеробщица с моим номерком шла к вешалке, с которой начинается театр.

Непостижимо, но российский театр словно и не заметил жуткую социально-нравственной катастрофу, потрясшую Россию в девяностые, прошел мимо нее, точно сытый банковский клерк мимо побирающегося ветерана. Это нежелание признавать центральный конфликт эпохи – между обманувшими и обманутыми – фантастически нетипично для

нашего театра. Всегда: и при самодержавном присмотре, и в самые подцензурные советские годы реальные, а не фантазмные боли общества все же прорывались на подмостки. А ныне... Куда подевалась, скажем, сатирическая комедия, жанр, уцелевший даже в тридцатые и словно специально предназначенный для нашего гомерически нечестного времени? Неужели спонсоры оказались страшнее следователей НКВД?

Впрочем, совсем уж без конфликта на театре никак нельзя! Так вот вам: можете сопереживать Соленому, влюбленному в Тузенбаха. Эту мину брезгливого равнодушия к реальности, въевшуюся в лицо отечественной Мельпомены, нельзя было прикрыть никакими «золотыми масками», канонизировать никакими госпремиями и «триумфами». А самое грустное заключается в том, что произошло все это в годы, когда власть в кои-то веки дала российскому театру «вольную». Впрочем, в результате все оказались как бы «временно обязанными». Может, именно в этом суть проблемы? Конечно, конечно, были исключения, были настоящие, честные пьесы и блестящие режиссерские работы. Но я – о тенденции.

И тогда я решил попробовать сочинить пьесу, такую, какую сам как зритель хотел бы увидеть на сцене. А тут как раз Станислав Говорухин, закончив работу над фильмом «Ворошиловский стрелок»», где я прописывал диалоги, сказал мне: «Давай придумаем пьесу! Ульянов очень просит! Жа-

лается: ставить нечего...» Я сразу согласился и предложил оттолкнуться от моих набросков к семейной комедии «Халам-бунду». Но получилась совсем другая вещь. Пьесу, названную «Смотрины», мы закончили в 2000 году и отдали, как договаривались, в театр имени Вахтангова. Прочитав, Михаил Александрович грустно молвил: «Слишком остро. Меня не поймут...» А ведь экранный Ульянов, будучи Жуковым, не боялся даже Сталина! Говорухин предлагал наш горький плод в другие театры, показывал своим влиятельным друзьям. Реакция была примерно одинаковая: «Стасик, ну не надо так уж слишком...»

В конце концов пьесу взяла Татьяна Васильевна Дорони-на, которую так давно и упорно «не понимали», что социальная жесткость и горькая ирония нашей пьесы ее не смутили. Спектакль ставил Говорухин. Это была его первая в жизни сценическая работа, и протекала она в бодрящем конфликте с руководством театра. Тем не менее, а, возможно, и благодаря именно этому, вот уже восемь сезонов «Контрольный выстрел» (так в конце концов мы назвали пьесу) успешно идет во МХАТе имени Горького и губернских театрах. Окрыленный и кое-что понявший во время репетиций «Выстрела», я сел и досочинил комедию «Халам-бунду, или Заложники любви». Сначала она шла как антреприза, потом ее взяли в тот же МХАТ имени Горького, а затем пошли постановки по стране и в СНГ. Премьер было столько, что я невольно выполнил гоголевский наказ писателям – «проездить по

России».

На премьере «Халам-бунду» я познакомился с Александром Ширвиндтом, и он предложил мне написать что-нибудь для театра Сатиры. Через год я принес ему «Хомо эректус, или Свинг по-русски». Пьеса его озадачила, но понравилась. Стали искать режиссера, кандидатуры появлялись и отпадали. Наконец сговорились с худруком окраинного московского театра. Сделали распределение. Но тут случилось непредвиденное: актер, который должен был играть диссидента, ставшего депутатом-жуликом, вдруг объявил, что отказывается от роли по идейным соображениям. К нему прикнули некоторые другие и обратились к Ширвиндту с петицией: мол, пьеса Полякова не в демократических традициях театра. Я потом разговаривал с этим актером и спросил:

– Что вас смутило? Что «совесть русской интеллигенции» пришла на свинг со студенткой, которая приторговывает собой? Разве в жизни иначе? Я же видел вас в постмодернистской чернухе – вы там и не такое вытворяете!

– Э-э... Там-то все понарошку, а у вас по-настоящему! – простодушно ответил он, невольно сформулировав коренное отличие постмодерна от реализма.

Ширвиндт железной рукой подавил бунт, сделал новое распределение, но тут, озабочаясь своей либеральной репутацией, от постановки отказался окраинный режиссер. Ситуация зависла на два года, пока за дело решительно не взялся замечательный Андрей Житинкин. И на заседании художе-

ственного совета, принимавшего спектакль, Ольга Александровна Аросева сказала:

– Это та сатира, которую мы ждали в театре почти двадцать лет. Так долго ждали, что сразу и не поняли: это она!

Кстати, ничего странного в этом нет. Сатиру часто принимают за клевету, а клевету, наоборот, за сатиру. А то, что мой совсем не развлекательный «Эректус» собирает зрителей больше, чем коммерческий «Слишком женатый таксист» Куни, лишь подтверждает известный факт: современникам нужна современность!

С тех пор была еще пьеса «Женщины без границ», поставленная в московском театре Сатиры и по стране. Были инсценировки «Неба падших» в питерском театре Сатиры и «Демгородка» у Рубена Симонова. Только в Москве у меня идет шесть спектаклей, не говоря о губерниях и СНГ... При этом театральная критика меня, мягко говоря, не любит. Критикам вообще не нравится, когда аплодируют без их высочайшего разрешения. Один театровед-«золотомасочник» сказал обо мне: «Поляков? Но ведь так сейчас не пишут!»

Я воспринял это как похвалу...

Ю. Поляков, декабрь 2008

Халам-бунду, или Заложники любви Комедия

Действующие лица:

Федор Тимофеевич Куропатов , профессор

Лидия Николаевна, его жена, доцент

Костя, их сын, кандидат наук

Марина, его жена, «челночница»

Елена, их дочь, бухгалтер

Юрий Юрьевич Владимирцев, бизнесмен

Болик, его телохранитель

Сергей Артамонович Лукошкин , дворянин

1-й киллер

2-й киллер

Акт первый

*Уставленный книгами холл большой профессорской квартиры. Пристойная скудость. На стенах – африканские маски. На особом месте – длинная пика и портрет усаца в бурке и папахе. В окне виднеется мигающая реклама «Макдоналдса». Из холла ведут двери в комнаты, на кухню, ванную. На стремянке возле книжных стеллажей сидит, углубившись в фолиант, **Федор Тимофеевич Куропатов**. На нем кабинетный пиджак, потертые джинсы и меховые тапочки. Он напевает себе под нос.*

Федор Тимофеевич. Енги-банг каралинду/Дундуран халам-бунду...

*С улицы вбегают энергичная **Лидия Николаевна** в стареньком спортивном костюме и белых кроссовках. Делает несколько упражнений, держа в руках пустые бутылки. Потом, подхватывая песенку, ставит бутылки на стол и еще две вынимает из-за пазухи.*

Лидия Николаевна. Енги-банг каралинду... Что-то я тебе хотела сказать? Забыла...

Федор Тимофеевич. Вспомнишь.

Лидия Николаевна. Дундуран халам-бунду... Что это за ерунду мы поем?

Федор Тимофеевич. Это не ерунда, это свадебная песня одного африканского племени.

Лидия Николаевна. Вспомнила! Федор, предупреждаю тебя совершенно ответственно: если ты не начнешь бегать по утрам и заниматься физкультурой, я найду себе другого – молодого и спортивного...

Федор Тимофеевич. Молодой – это лет семидесяти?

Лидия Николаевна. Ну почему же? На меня еще и шестидесятилетние заглядываются. Сегодня один все время рядом бежал и жаловался, как ему одиноко на пенсии. Говорил: давайте дружить, вместе будем ходить в Сокольники – пустые бутылки собирать. Он места знает, где их много! (*Подходит к зеркалу.*) Верно говорят: женщине столько лет, на сколько она выглядит.

Федор Тимофеевич. А мужчине столько лет, насколько он одинок...

Лидия Николаевна. Леночка проснулась?

Федор Тимофеевич. Кажется, нет.

Лидия Николаевна. С девочкой что-то происходит. Я боюсь за нее. Хорошо хоть Маринка приехала. Думала, эту вертихвостку на порог больше не пущу, а теперь даже рада: мать как-никак... Может, хоть она Леночку успокоит?

Федор Тимофеевич. Никто ее не успокоит. Елена сама должна справиться с этим. Ей тяжело. Ее оскорбили как женщину, унизили как сотрудника. Но это надо пережить. Испытания закаляют сердце!

Лидия Николаевна. Иди ты к черту! Спускайся! Сидишь, как Ядрило на туче, и поучаешь. Девочка вторую неде-

лю места себе не находит...

Федор Тимофеевич. Не Ядрило, а Ярило – бог плодородия у славян. На туче сидит Перун – бог грозы...

Лидия Николаевна. Вот и слезай, старый Перун! По-кормлю тебя тихонько, чтобы Леночку не разбудить. Пусть спит. Во сне обида быстрее проходит. Помнишь, как ты в пятьдесят первом на новогоднем банкете за женой доцента Сурова увивался? Хотя увиваться там было решительно не за чем...

Федор Тимофеевич (*чуть не упав со стремянки*). Что?! Это доцент Суров за тобой увивался, а ты...

Лидия Николаевна. Не выкручивайся! Я тогда думала, убью тебя, уничтожу, как врага народа! А потом выпалась – и ничего...

Федор Тимофеевич. Абсолютно ничего, если не считать, что свадьбу на полгода отложили.

Лидия Николаевна. Вот и хорошо! Ты еще полгода под окнами постоял, помучился... (*Подходит к окну.*) Вон там ты стоял, около «Блинной», где теперь «Макдоналдс».

Федор Тимофеевич. Я стоял не полгода, а всего неделю...

Из-за ширмы появляется Елена в скромном сереньком халатике.

Елена. Почему всего неделю?

Лидия Николаевна. С добрым утром, внучка! Как спала?

Елена. Понятия не имею. Просто спала.

Федор Тимофеевич. М-да, молодость – это когда просто спишь. Здравствуй!

Елена. Доброе утро, дедушка! Так почему только неделю?

Лидия Николаевна. Потому что дедушку арестовали.

Елена. Арестовали! За что? Вы мне никогда об этом не рассказывали.

Лидия Николаевна. А что тут рассказывать? Над нами тогда жил нарком мясомолочной промышленности. (*Показывает пальцем вверх.*) В органах решили, что дедушка наблюдает за его окнами и готовит покушение...

Елена. Вы серьезно?

Лидия Николаевна. Совершенно серьезно.

Федор Тимофеевич. Такое время, Леночка, было – суровое.

Елена. Но ты им объяснил, что не виноват?

Федор Тимофеевич. Та м не объяснения спрашивали, а показания снимали. Ну я и сознался: да, хотел убить наркома за то, что антрекот в аспирантской столовой, как подошва. Странно человек устроен: в штыковую ходил – немца не боялся, а своим с перепугу такое на себя наплел... Может, потому что свои?

Елена. Какой ужас! И что же?

Лидия Николаевна. Ничего. Наркома вдруг посадили за производство некачественной пищевой продукции – и де-

душку отпустили. Это еще при Сталине было.

Елена. Как же вы жили? В такое время!

Федор Тимофеевич. Так же, как сейчас. Пили чай с вареньем. Совсем плохих времен, внучка, как и совсем плохих людей, не бывает. Если что-то похуже, значит, другое получше. К примеру, этот твой мерзавец...

Лидия Николаевна. Юрий Юрьевич.

Федор Тимофеевич. Вот именно! При Сталине не разъезжал бы на «мерседесе». Лес бы в тайге валил для нужд народного хозяйства.

Елена. Дедушка, не надо об этом!

Федор Тимофеевич. Надо! Я вижу, как ты ходишь и носом хлюпаешь! Не смей плакать из-за этого! Подумаешь – уволили...

Елена. А знаешь, какое лицо у него было, когда он говорил: «Елена Константиновна, вы у меня больше не работаете»? Такое лицо, будто я не человек и даже не вещь, а пыль... Знаешь, как смотрят на пыль перед тем, как ее тряпкой смахнуть? Знаешь?!

Лидия Николаевна. Леночка! Не убивайся ты так! Найдешь себе работу. Бухгалтеры даже сейчас нужны. А пока проживем как-нибудь...

Федор Тимофеевич. Не пропадем без его денег. Продам маски! Книги продам...

Лидия Николаевна. Конечно, не пропадем! Я тут на пробежке с милым молодым человеком познакомилась, он

знает в Сокольниках места, где много пустых бутылок!

Елена. Что вы такое говорите!

Лидия Николаевна. А что мы говорим? Мы говорим: все будет хорошо. У Кости дела лучше пошли. Он теперь с иностранцами сотрудничает. Его ценят. Мать твоя из Стамбула прилетела...

Федор Тимофеевич. Из Царьграда.

Елена. Когда?

Лидия Николаевна. Под утро. Подарки тебе привезла. Все будет хорошо!

Елена. Не нужны мне никакие подарки. Ничего не нужно! Ни от кого. Зачем, зачем вы меня такой сделали?!

Лидия Николаевна. Какой?

Елена. Вот такой! Это вы виноваты! Вы!

Лидия Николаевна. Почему мы?

Елена. Вы всегда говорили, что это вы меня воспитали...

Лидия Николаевна. А кто же еще! У Кости каждый день решающий эксперимент. У Марины одни тряпки в голове всегда были. Мы и воспитали.

Елена. Значит, вы и виноваты!

Федор Тимофеевич. В чем же мы виноваты?

Елена. Это вы мне говорили: девушка из хорошей семьи должна быть гордой, девушка должна быть честной, девушка должна быть скромной, девушка должна быть верной... Должна, должна, должна...

Лидия Николаевна. А разве не должна?

Елена. Нет. Нужно быть хитрой, жадной и общедоступной. Тогда и жить будет легко!

Федор Тимофеевич. А умирать?

Лидия Николаевна. Ну что ты мелешь? У Леночки еще вся жизнь впереди!

Федор Тимофеевич. Я знаю, что говорю! В племени мататувов есть поговорка: «Из этого мира в страну предков ничего нельзя унести с собой, кроме чистой совести». Дикари, а лучше нас понимают!

Елена. Сами вы дикари! Старые, никчемные дикари! Вы даже не соображаете, что происходит вокруг! Вы не понимаете, где мы живем! Сидите здесь, как в норе... Я вернусь и попрошу у него прощения! Скажу, что согласна вести двойную бухгалтерию, согласна спать с ним! На все согласна.

Федор Тимофеевич. Он домогался тебя? Мерзавец...

Елена. Нет, но я согласна и на это! Я не хочу жить как вы... Собирать бутылки... Вozить тряпки из Стамбула...

Федор Тимофеевич. Из Царьграда.

Лидия Николаевна. Замолчи!

Входит Марина.

Лидия Николаевна. Ты не спишь?

Марина. Поспишь тут с вами! Во вьетнамском общежитии так не орут.

Лидия Николаевна. Вот и поговори со своей дочерью, коль уж приехала!

Марина. Хорошо, мама, я поговорю. Только успокой-

тесь!

Лидия Николаевна. Я же просила: не называй меня мамой!

Лидия Николаевна уходит. Федор Тимофеевич демонстративно углубляется в книгу. Марина устраивается на старом кожаном диване и усаживает рядом с собой Елену.

Марина. Ты бледненькая совсем стала... Они мне все рассказали. Этот твой Юрий Юрьевич, конечно, сволочь!

Елена. Мама, я не хочу об этом!

Марина. Леночка, да разве от нашего желания что-нибудь зависит? Такие времена... Ты думаешь, мне «челночить» нравится? *(Глядит на профессора.)* Кто ж виноват, что за чтение книжек теперь деньги не платят...

Профессор бросает сверху грозный взгляд.

Елена. Мама, я же не давала ему никакого повода.

Марина. Он к тебе приставал?

Елена. Попробовал бы! Я... Я бы ему... И потом у него есть к кому приставать.

Марина. И кто же это?

Елена. Как кто? Секретарша, конечно. Полина! Кикимора и бездельница. Целый день ногти красит и по телефону болтает. *(Изображает.)* «Алло! Страховая фирма “Гарант-лимитед”. Нет, к сожалению, Юрий Юрьевич занят. У него переговоры...» Знаю я эти переговоры! Сидят, пьют коньяк и треплются, кто куда на охоту летал. Кто сколько кабанов и женщин завалил... Захожу в кабинет платежку подпи-

сать. А он: «Елена Константиновна, меня не устраивает, как вы одеваетесь! У нас солидная фирма...» Представляешь?

Марина. Смешная ты... Он тебе нравится?

Елена. Я его ненавижу!

Марина. Выросла ты у меня. Совсем выросла... А одеваться и в самом деле не научилась. Ну что это? (*Показывает на халатик.*) Как монашка...

Елена. Я дома.

Марина. Какая разница? А если вдруг мужчина, о котором ты мечтаешь, в дверь позвонит? Случайно, по ошибке... А ты? Посмотри на себя!

Елена. Во-первых, ни о ком я не мечтаю. Во-вторых, на работу ходят работать, а не наряды демонстрировать клиентам. А в-третьих, фигура у меня и так хорошая. Ты сама говорила!

Марина. Дурочка! Мужчина хочет раздеть женщину лишь тогда, когда ему нравится, как она одета...

Федор Тимофеевич бросает грозный взгляд на Марину.

Елена. Ненавижу мужчин!

Марина. Я тебе из Стамбула такое платье привезла – обалдеешь! Ну и еще кое-что по мелочи... Пойдем покажу!

Елена. Мне ничего не надо.

Марина. Пойдем, пойдем, мужененавистница ты моя!

Обе встают и медленно идут в комнату.

Федор Тимофеевич. Марина!

Марина останавливается, а Елена скрывается за две-

рю.

Марина. Что, Федор Тимофеевич?

Федор Тимофеевич. Марина, ты к нам больше, пожалуйста, не приходи... Не надо!

Марина пожимает плечами и уходит следом за дочерью. Возвращается Лидия Николаевна с подносом.

Федор Тимофеевич. Я, пожалуй, буду с тобой бегать. Где мои гантели?

Лидия Николаевна. Я их давно что-то не видела. В последний раз ты занимался с ними лет тридцать назад, когда в меня завкафедрой научного коммунизма влюбился. А зачем тебе гантели?

Федор Тимофеевич. Натренируюсь. Поеду и набью этому Юрию Юрьевичу морду!

Лидия Николаевна. Как доценту Сурову?

Федор Тимофеевич. Ты же знаешь, я тогда просто поскользнулся...

Лидия Николаевна. Знаю. И за это люблю тебя, Ядрило ты мой! *(Встает на ступеньку стремянки и треплет мужа по щеке.)*

Раздается звонок в дверь.

Федор Тимофеевич. Наверное, Костя ключи забыл?

Лидия Николаевна. Забыл. Висят на гвоздике в прихожей. Увидит Марину и расстроится. На неделю запьет. Скорей бы уж она себе нашла кого-нибудь...

Лидия Николаевна идет открывать. В комнату входят

Владимирцев и Болик.

Лидия Николаевна. Вам кого?

Юрий Юрьевич. Елена Константиновна здесь живет?

Лидия Николаевна. Здесь. *(Громко.)* Ле-ена! К тебе пришли. Ле-ена!

Из комнаты появляется Елена. На ней новенькие серебристые шортики в обтяжку и майка с большим вырезом. Увидев вошедших, она вскрикивает и прикрывает ладонью грудь.

Елена. Вы?

Юрий Юрьевич. Мы. С дружественным визитом.

Елена. Что вам от меня еще нужно? Я все сдала по описи. Не волнуйтесь, шантажировать я вас не собираюсь... Про налоговую полицию я пошутила. Просто пошутила. Уходите!

Федор Тимофеевич. Елена, кто эти люди?

Елена. Это... Это – Юрий Юрьевич.

Лидия Николаевна. Тот самый?

Елена. Тот самый.

Юрий Юрьевич. Он самый и есть! *(Кланяется.)*

Федор Тимофеевич. Вот и хорошо. Сейчас я вас вышвырну из моего дома! *(Собирается спуститься со стремянки.)*

Болик *выхватывает пистолет и наставляет его на профессора.*

Болик. Дедушка, давай без базара! *(Пристегивает про-*

фессора наручниками к стремянке.) Так-то лучше!

Елена. Что вы делаете? Освободите дедушку!

Лидия Николаевна. Что вам от нас нужно? Денег в доме нет. Пенсию еще не приносили...

Юрий Юрьевич. Неужели вы думаете, что я пришел к вам что-то взять? Нет, я пришел к вам дать! Хочу снять вашу квартиру.

Федор Тимофеевич. Эта квартира не сдается.

Юрий Юрьевич. Думаю, мы договоримся. Ваша квартира нужна мне ненадолго. На день-два...

Лидия Николаевна. Вам негде жить?

Юрий Юрьевич. Мне? Да, у меня крайне стесненные жилищные условия – шестикомнатная квартира на Плющихе. Разве Елена вам не рассказывала?

Лидия Николаевна. Нет...

Юрий Юрьевич. И про зеркальный потолок в спальне не рассказывала?

Федор Тимофеевич. Елена, ты не говорила, что была у него дома!

Елена. Дедушка, это совсем не то, что ты думаешь! Я просто завозила ему домой финансовый отчет...

Юрий Юрьевич. Не волнуйтесь, с Еленой у нас чисто деловые отношения. Какие же еще?

Лидия Николаевна. Но если у вас столько жилплощади, зачем вам еще и наша квартира?

Юрий Юрьевич. Что за совковые вопросы! «Зачем?»

«Откуда?» Я буду платить вам в час сто долларов. Такой ответ вас устраивает?

Лидия Николаевна. Сто долларов!

Юрий Юрьевич. Вот вам за первый час. *(Дает купюру Лидии Николаевне.)*

Елена. Нет, такой ответ нас не устраивает. Уходите! Я не хочу вас видеть.

Лидия Николаевна неохотно возвращает купюру.

Лидия Николаевна. Мы не хотим вас видеть...

Юрий Юрьевич. Двести долларов. *(Протягивает Лидии Николаевне две купюры.)*

Елена. Нет. Даже за тысячу – нет!

Лидия Николаевна еще неохотнее возвращает деньги.

Лидия Николаевна. Нет, даже за тысячу нет...

Юрий Юрьевич *(оглядываясь)*. А квартирка-то старенькая. Ремонт еще до перестройки делали? И не такая уж большая. У меня одна спальня как ваша квартира. Сколько здесь человек прописано?

Лидия Николаевна. Пятеро. Но живут четверо.

Юрий Юрьевич. Тесно. Елена Константиновна когда-нибудь все-таки выйдет замуж. Муж с газетой, дети с диатезом, пеленки...

Елена. Уходите!

Юрий Юрьевич *(продолжает иронически)*. ...А дедушке надо работать – книжки читать. Дедушка у нас академик?

Лидия Николаевна. Профессор. Крупнейший в России

специалист по сравнительной мифологии.

Юрий Юрьевич. Ого! Болик, может, отстегнем крупнейшего специалиста?

Болик. Нельзя. Он буйный.

Елена. Уходите! Я прошу...

Юрий Юрьевич. Хорошо, я покупаю вашу квартиру за двойную цену. За эти деньги можно купить две квартиры – и разъехаться.

Лидия Николаевна. А мы не хотим разъезжаться! Это квартира моего отца...

Юрий Юрьевич. Папа тоже был профессором?

Лидия Николаевна. Нет, он был замнаркома парфюмерной промышленности. Я здесь выросла. И сын мой здесь вырос. И внучка...

Юрий Юрьевич. А где сын?

Елена. Папа на работе.

Юрий Юрьевич кивает **Болику**. *Тот начинает обыскивать квартиру, заглядывает в прихожую, на кухню, в ванную, скрываясь в комнатах.*

Юрий Юрьевич. Он у вас по ночам работает?

Елена. Нет, по утрам, но выезжать приходится с вечера... Уходите! Я вас прошу.

Юрий Юрьевич. Экая вы, Елена Константиновна, негостеприимная! А может быть, мне у вас нравится!

Елена. Что вам от меня еще нужно? Вы меня выгнали с работы. Теперь вломились в мой дом...

*Возвращается Болик, ведя за руку упирающуюся Мари-
ну.*

Болик. Вот, в спальне пряталась.

Марина. Ничего я не пряталась. Мама, кто это?

Юрий Юрьевич. Это ваша дочь?

Лидия Николаевна. Невестка. Бывшая. Марина, я же тебя просила...

Елена. Это Юрий Юрьевич.

Лидия Николаевна. Он хочет купить нашу квартиру. За двойную цену.

Марина. Юрий Юрьевич... Много о вас слышала! Рада познакомиться!

Юрий Юрьевич (*целует руку*). Мадам! Может, вы уговорите этих странных людей продать мне квартиру за двойную цену!

Марина. А вы не шутите?

Юрий Юрьевич. Нисколько. Вопрос жизни и смерти. Плачу наличными.

Марина. Прекрасно! Разъедемся наконец...

Лидия Николаевна. Ты никогда не любила наш дом!

Марина. Это вы никогда ничего не любили, кроме своего дома!

Юрий Юрьевич. Ну, продаете?

Все хором (*кроме Марины*). Нет!

Юрий Юрьевич. Болик, посмотри на них. Запомни! Это старые русские. Они скоро вымрут, как мамонты. А в эн-

циклопедии будет написано: «Вымерли, потому что не умели жить». У них покупают халупу за двойную цену, а они еще кочевряжатся... В последний раз спрашиваю!

Все хором *(кроме Марины)*. Нет!

Юрий Юрьевич. Тогда будем считать, что это самозахват. Я террорист, а вы мои заложники. Болик!

Болик. Руки за голову! Лицом к стене!

Все встают у стены, кроме профессора.

Федор Тимофеевич. Молодой человек!

Болик. Молчать!

Федор Тимофеевич. Что?! Я немцев не боялся, а тебя, сопляк... *(Срывает со стены пику, хочет метнуть в обидчика, но размахнуться не может, так как прикован почти под самым потолком.)*

Болик *(выхватывает пистолет)*. Стрелять?

Юрий Юрьевич. Откуда я знаю! Ты же школу телохранителей заканчивал, а не я.

Болик *(вспоминая инструкцию)*. Так. Ага... Сначала предупредительный в воздух... *(Поднимает пистолет.)*

Лидия Николаевна. Ни в коем случае: там у нас итальянская газета офис снимает. Будет международный скандал!

Болик. Тогда – по ногам...

Марина. Внизу у нас опорный пункт охраны порядка. Там участковый дежурит.

Юрий Юрьевич. Благодарю, мадам, вы единственный

здравомыслящий человек в этом доме.

Болик. Тогда остается – на поражение.

Федор Тимофеевич. Стреляй, фашист!

Елена. Дедушка! Юрий Юрьевич! Не надо на поражение!

Оставайтесь. Делайте что хотите...

*Профессор опускает пику. Подходит **Болик**, отбирает у него колющее оружие и передает шефу.*

Юрий Юрьевич (*осматривая пику*). Что хотим? Кофе хотим.

Марина. Двадцать долларов.

Юрий Юрьевич. Недешево. Вы деловая женщина. Но я бывал в местах, где чашечка стоит пятьдесят... Болик, кофе будешь?

Болик. На работе не пью. Могут подмешать. Я за ваше тело отвечаю.

***Марина** уходит на кухню.*

Федор Тимофеевич. А за вашу душу кто отвечает?

Юрий Юрьевич (*разглядывая пику*). Дедушка, душа по нашим временам – это роскошь, как часы «ролекс» с бриллиантами. Мало кому по карману... Копье африканское? Сколько стоит?

Лидия Николаевна. Нет, это пика. Казачья. Мой отец Николай Ферапонтович служил в Гражданскую войну в красном полку имени Степана Разина. (*С гордостью указывает на портрет.*) Это его пика!

Юрий Юрьевич. Интересно! Был казаком, а стал пар-

фюмером?

Лидия Николаевна. Да. Его партия направила.

Юрий Юрьевич. Какое совпадение! Я был простым фарцовщиком, а партия направила меня в бизнес... Мне надо позвонить!

Болик услужливо протягивает мобильный телефон.

Юрий Юрьевич. У тебя по конспирации «двойка» была?

Болик. «Тройка».

Юрий Юрьевич. Оно и видно. Нас же сразу засекут. На «мобилах» все и попадают. Помнишь, как Бурлакова замочили?

Болик. В сортире?

Юрий Юрьевич. Нет, в сортире замочили Гандурадзе. А Бурлакова – в парикмахерской. Позвонил с мобильного же-не, посоветоваться, какие височки делать – косые или прямые... Посоветовался. Всю парикмахерскую из гранатомета разворотили. Где у вас телефон?

Марина *(выглядывая с кухни)*. Звонок вам обойдется в десять долларов.

Елена. Мама шутит... *(Подает ему телефон на длинном шнуре.)*

Он набирает номер.

Юрий Юрьевич *(в трубку)*. Поленька? Это я... Как там дела? Что значит как сквозь землю провалился? Передай им: пусть ищут. За что я деньги плачу? Не найдут – всем конец...

Нет, я не дома. Спрятался и очень надежно. Никто не догадается. От тебя у меня секретов нет. Но лучше тебе этого не знать. Калманов нанял черных. Это страшные люди. Целую тебя, сама знаешь куда. Буду звонить. (*Кладет трубку, с интересом осматривая Елену в тесных шортиках.*)

Лидия Николаевна. Калманов... Знакомая фамилия. Ага, вспомнила! Это композитор. Он за мной в Коктебеле в пятьдесят четвертом году волочился, а Федор Тимофеевич страшно ревновал и написал на него эпиграмму. Очень смешную. Я даже начало помню: «Стареющий кобель приехал в Коктебель...» Чуть до дуэли не дошло! Помнишь, Федя?

Федор Тимофеевич. Фамилия того композитора – Калманович.

Лидия Николаевна. Да, Калманович...

Юрий Юрьевич (*Елене*). Вам очень идут эти шортики. А почему вы всегда на работу ходили, как?..

Елена. Как?

Юрий Юрьевич. Черт-те как! Вот ведь: у некоторых ничего нет, одна забывчивость природы, а так выставится – мимо не пройдешь. У другой все на месте, а одевается – как в мешок из-под картошки влезает. Я, пожалуй, возьму вас снова к себе. Место еще не занято. Сейчас хорошего бухгалтера труднее найти, чем хорошую жену...

Елена. Поздно. Я уже устроилась.

Лидия Николаевна *вздыхает и качает головой. Раздает-*

ся звонок в дверь.

Юрий Юрьевич. Кто это?

Елена. Наверное, Костя с работы вернулся.

Юрий Юрьевич. Какой еще Костя?

Елена. Мой отец.

Юрий Юрьевич. Костя... Все у вас не по-людски!

Лидия Николаевна. Он ключи забыл.

Юрий Юрьевич. Тихо! Болик, сначала в глазок посмотри!

Лидия Николаевна. У нас на лестничной площадке темно. Лампы перегорели.

Юрий Юрьевич. Купите новые!

Лидия Николаевна. Этим государство должно заниматься.

Юрий Юрьевич. А за веревочку в сортире государство за вас не должно дергать?

Болик (*Лидии Николаевне*). Открывайте! Одно лишнее слово, и...

Лидия Николаевна. Не надо меня пугать! (*Открывает.*)

Входит Костя. Он в телогрейке, в сапогах, с корзиной, полной грибов.

Костя. Mam, представляешь, ключи забыл!

Лидия Николаевна. Ты что-то рано!

Костя. Необыкновенный выброс плодовых тел. Еле дотащил. Подействовал мой фунговит! Подействовал!

Лидия Николаевна. Костя, Марина приехала...

Костя. Где она?

Лидия Николаевна. На кухне.

Костя хочет бежать на кухню.

Болик (выхватывая пистолет). Стоять!

Костя (замечая чужих людей). Кто это?

Лидия Николаевна. С Леночкиной работы.

Костя. Ничего не понимаю... Здравствуйте!

Юрий Юрьевич. Обыщи!

Болик (обхлопывает Костю). Чисто!

Юрий Юрьевич. В корзине.

Болик (осматривает корзину). Ого, одни белые! Откуда?

Костя. Места надо знать. А что вы ищете?

Юрий Юрьевич. Смысл жизни. Мне сказали, вы на работе?

Костя. А я и был на работе.

Юрий Юрьевич. Это у вас профессия такая – грибник?

Костя. Нет, по профессии я микробиолог. А грибы – моя узкая специализация. Лабораторию-то закрыли. Вот. Собираю и отдаю во французский ресторан. Платят, конечно, мало. Но теперь, когда мой фунговит подействовал... Марина! Мой фунговит подействовал! (*Торопливо уходит на кухню.*)

Юрий Юрьевич (задумчиво). Да, собирать грибы – это гораздо спокойнее, чем собирать деньги с лохов...

Елена. И потом не отдавать. Значит, вас уже ищут? Я предупреждала, чем этот ваш «Гарант-лимитед» закончится!

Юрий Юрьевич. Чем?

Елена. Арестом за финансовые махинации.

Юрий Юрьевич. Не смешите меня! Если в России всех, кто нарушает закон, посадить в тюрьму, никого не останется, чтобы передачи носить...

Елена. Но вы же прячетесь?

Юрий Юрьевич. Я прячусь от Калманова. Он меня за-казал!

Федор Тимофеевич. Довели страну! Раньше бифштекс в общепите заказывали, а теперь живых людей.

Елена. погоди, дедушка! (*Юрию Юрьевичу.*) Но ведь Калманов – ваш друг и компаньон.

Юрий Юрьевич. В бизнесе и в любви друзей не бывает. Мы поссорились. Он слил полмиллиона...

Лидия Николаевна. Как слил? Куда?

Юрий Юрьевич. Если бы я знал! Сначала он в несознанку пошел. А когда я припер – раскололся. Вроде договорились. Обещал вернуть. Потом чувствую: меня пасут. Калманов каких-то черных нанял. Сволочь! Знает же, что у меня с кавказцами нелады. Хорошо, Болик заметил. Ну, я тоже не на помойке себя нашел. Нанял курганских. Теперь кто кого раньше достанет! Тут главное – глубже зарыться...

Елена. И вы решили зарыться у меня?

Юрий Юрьевич. Это Болик подсказал. Квартиру мою знают. Всех друзей и любовниц знают... А искать меня у бухгалтерши, которую я с работы выгнал, никому в голову не

заедет! Но если бы я мог вообразить, что вам так идут эти шортики, – я бы и сам догадался. Без Болика...

Елена. Можно мне переодеться?

Юрий Юрьевич. Нельзя!

Елена. Я вас прошу...

Юрий Юрьевич. Ладно, переодевайтесь!

Елена уходит.

Лидия Николаевна. Калманов... Калманов... Федя, ты не помнишь?

Федор Тимофеевич. Нет, не помню. (*Юрию Юрьевичу.*)

Но очень надеюсь, что он найдет вас и прикончит!

Юрий Юрьевич. Какой вы злой и недобрый! (*Раздается звонок в дверь.*) Кто это?

Лидия Николаевна. Мы никого не ждем.

Юрий Юрьевич. В глазок посмотрите! Ах да... Если выберемся из этой передраги, я куплю вам столько лампочек, что и правнукам хватит. Спросите, кто там!

Лидия Николаевна (*подходит к двери*). Кто там? (*Прислушивается.*) Это Сергей Артамонович.

Юрий Юрьевич. Какой еще Сергей Артамонович?

Федор Тимофеевич. Предводитель районного дворянства. Не пускайте этого человека!

Юрий Юрьевич. Сумасшедший дом. Грибники, мифологи, предводители дворянства... Пустите его! А то он что-нибудь заподозрит и к участковому побежит.

Входит Сергей Артамонович и со всеми обстоятельно

*тремя целуется. Незнакомым представляется: «Сергей Артамонович Лукошкин, предводитель районного дворянства». Поднимается на стремянку, пытается целовать профессора. Безуспешно. Замечает наручники. Хитро смотрит сначала на **Лидию Николаевну**, потом на **Федора Тимофеевича**.*

Сергей Артамонович. Озорничаете по-стариковски?

Лидия Николаевна. Как вам не стыдно? Насмотрелись по телевизору американского разврата. Мы – заложники...

Сергей Артамонович. Какие еще заложники? Это вы чего-то не того по телевизору насмотрелись.

Юрий Юрьевич. Все правильно. Я захватил квартиру – они мои заложники.

Сергей Артамонович. Ну, тогда не буду вам мешать...
(Направляется к двери.)

Болик. Стоять! (Обыскивает.) Чисто.

Юрий Юрьевич. Зачем вы пришли?

Сергей Артамонович. Я... Я принес Федору Тимофеевичу диплом.

Федор Тимофеевич. Увольте, Сергей Артамонович, какой еще диплом? Я же просил!

Сергей Артамонович. Как какой? Графский... На внеочередном дворянском собрании района вы утверждены графом. (Протягивает диплом.)

Федор Тимофеевич. Не хочу я быть графом. Что вы меня на старости лет позорите!

Сергей Артамонович. Не смейте отказываться! В соседнем районе уже два графа и князь, а у нас ни одного. Вы самая подходящая кандидатура. Выбрали вас графом единогласно...

Лидия Николаевна. А голосование было открытое или закрытое?

Сергей Артамонович. Какая разница, графиня!

Лидия Николаевна. Я вам не графиня! Я член партии с пятидесятилетним стажем.

Юрий Юрьевич. Ну-ка покажите диплом! Красиво! Скажите, а меня вы можете в дворяне принять?

Сергей Артамонович. Вы где живете?

Юрий Юрьевич. На Плющихе.

Сергей Артамонович. Обращайтесь по месту жительства.

*Появляется **Марина** с подносом. За ней следом идет **Костя**.*

Костя...Марина, ты не понимаешь! Фунговит – это перелом в области промышленного производства грибов. Достаточно опрыскать мицелий – и выброс плодовых тел...

Марина. Ты пил сегодня?

Костя. Пивка на станции...

Марина. Понятно. Расскажи про свой фунговит маме!

Костя. Уже рассказал.

Марина. Тогда – папе... (*Юрию Юрьевичу.*) А вот и кофе!

Юрий Юрьевич. Спасибо! (*Берет чашку и хочет от-*

хлебнуть.)

Болик. Минуточку, шеф! (*Отбирает у него чашку, отхлебывает и смакует.*) Органолептика нормальная. Можно пить.

Юрий Юрьевич (*отхлебывая*). Хороший кофе!

Марина. Еще я вам сделала биг-мак. Это будет стоить...

Юрий Юрьевич. Я понял.

Марина. Юрий Юрьевич, вам, случайно, не нужна кожаная куртка? На меху. Очень хорошая и по цене производителя. Вчера привезла... (*Встречается с ненавидящим взглядом свекра.*) Из Царьграда...

Юрий Юрьевич. Нет, не нужна. В моем «мерседесе» всегда тепло.

Марина. У вас «мерседес»?

Юрий Юрьевич. Обидный вопрос.

Костя. Что-то я не видел у подъезда никакого «мерседеса».

Юрий Юрьевич. Мы на такси приехали. Конспирация. Пока он рассчитывается с Мариной, Болик откусывает приличный кусок от бутерброда.

Марина. И за телефон!

Юрий Юрьевич. У вас явные коммерческие способности. Странно, что они не передались вашей дочери. Я просил Елену Константиновну в финансовом отчете сделать такой пустячок... Ни в какую! Просто какая-то зоологическая честность!

Марина. В отца.

Болик (с набитым ртом). Органолептика...

Юрий Юрьевич раздраженно отбирает у **Болика** полу-
съеденный бутерброд. **Сергей Артамонович** тем временем
троекратно целует **Костю**.

Сергей Артамонович. Поздравляю! Это важнейшее со-
бытие в вашей жизни...

Костя. Вы уже знаете? Спасибо! Вы не представляете, что
означает открытие фунговита! Это переворот...

Сергей Артамонович. Я, собственно, другое имел в ви-
ду... (Показывает диплом.)

Костя. Ого! Поздравляю, папа!

Федор Тимофеевич. Нашел с чем поздравить отца!

Юрий Юрьевич. Экий вы ворчун, ваша светлость!

Сергей Артамонович. Ваше сиятельство.

Костя. Значит, я тоже теперь граф?

Сергей Артамонович. Всенепременно!

Костя. Марина! Я – граф, а ты теперь графиня...

Марина. Всю жизнь мечтала! Девчонкам на рынке рас-
скажу – обхохочутся.

Сергей Артамонович. На разведенных жен, к сожале-
нию, не распространяется.

Костя. А мы все никак не разведемся. Некогда. Марина
«челночит», а я – в лесах.

Марина. А зачем, думаешь, я приехала?

Костя. Вот и отлично. Прямо сейчас пойдем в суд заяв-

ление подавать!

Юрий Юрьевич. Никуда вы не пойдете! Вы заложники...

Костя. Да, я несчастный пленный граф! (*Срывает со стены африканскую маску.*) Я – деревянная маска!

Марина. Прекрати паясничать! Что люди подумают?

Костя. А что они подумают? Аристократия отдыхает. Сергей Артамонович, вот вы все про этикет знаете. Что графы по утрам пьют?

Сергей Артамонович. Кофе или чай...

Костя. А покрепче?

Сергей Артамонович. Ну, положим, граф Завадовский предпочитал малагу. Однажды он выпил целую бутылку, а его вдруг вызывают к государыне императрице Екатерине Алексеевне...

Костя (*Юрию Юрьевичу*). А что вы утром пьете?

Юрий Юрьевич. Предпочитаю двойной «Бурбон».

Костя. Ну так давайте выпьем двойной... нет, тройной «Бурбон»!

Юрий Юрьевич (*удивленно*). У вас есть «Бурбон»?

Костя. У меня нет... Я думал, у вас есть! Когда я был заведующим лабораторией, я никогда не ходил в чужой дом с пустыми руками.

Юрий Юрьевич. Действительно, неловко как-то вышло... (*Лезет за деньгами.*) Болик, слетай в магазин!

Болик. А если «наружка»? И потом, вы уверены, что с

ними один справитесь? Посмотрите, как старик на вас взглядом сверкает.

Юрий Юрьевич. М-да, бросит в голову Брокгауза или Ефрона – и убьет... *(Громко.)* Праздник отменяется!

Сергей Артамонович. Давайте я в магазин сбегая! Тут в винном отделе барон Эвертов служит. Он меня всегда предупреждает, если водка паленая. Из классовой солидарности. Я мигом вернусь!

Болик *(тихо – шепчу)*. Мигом – к участковому...

Юрий Юрьевич. Встаньте на место! Праздника не будет.

Костя. Не может такого быть, чтобы в доме ничего не осталось. В прошлый раз я купил три бутылки. Выпил... Не помню... Но три выпить я не мог – это было бы расточительством!

Лидия Николаевна. Я вылила водку в раковину!

Костя. Ты не могла! Ты же моя мать! Ты водку спрятала! Ну что ж, тогда поиграем в новейший домашний «водкоискатель»...

Лидия Николаевна. Костя, не надо!

Марина. Константин, я сейчас уеду!

Костя. Никуда ты не уедешь – ты заложница.

Юрий Юрьевич. «Водкоискатель»? Это тоже ваше изобретение?

Костя. Сейчас увидите! Лена! Иди сюда!

Лидия Николаевна. Ты этого не сделаешь!

Костя. Сделаю! Ленка! Я тебя жду.

Появляется Елена. Она одета в серенький строгий офисный костюмчик, скрывающий все ее женские достоинства. Юрий Юрьевич осматривает ее недоуменно. Она встречает его взгляд с вызовом.

Елена. Костя, что случилось?

Костя. Дочка, дай руку!

Елена. Нет, папа, прошу тебя!

Костя. Дай! *(Хватает ее за руку.)* Объясняю устройство домашнего «водкоискателя». Леночка у нас девушка честная и очень порядочная. Когда она вынуждена лгать, пальчики у нее дрожат... Теперь понятно?

Юрий Юрьевич. Гениально!

Марина. Отпусти ее!

Костя. Графиня, вы сознательно покинули наше дворянско-рабоче-крестьянское гнездо, и теперь прошу не вмешиваться в мою семейную жизнь!

Марина. Не могу на это смотреть! *(Уходит.)*

Лидия Николаевна. Костя, не надо – я тебе так отдам.

Костя. Поздно, я обещал продемонстрировать нашему уважаемому террористу действие новейшего домашнего «водкоискателя».

Лидия Николаевна. Сынок, что ж ты с собой делаешь!

Сергей Артамонович *(утешает ее).* Мужайтесь, алкоголизм – наследственная болезнь аристократов. Сын графа Зубова выпивал в день...

Лидия Николаевна. Да идите вы с вашими аристократами!

Костя (*тащит Елену за руку вдоль книжных шкафов*).
Здесь?

Елена. Нет!

Костя. Здесь?

Елена (*отчаянно*). Нет!

Костя. Здесь?

Елена. Н-нет...

Костя. Зде-есь! (*Отпускает Елену, извлекает из-за книг две бутылки водки.*) Вот они, мои двойняшечки! Соскучились?

Юрий Юрьевич. Здорово!

Костя. Мама, стели скатерть! Предводитель, пойдемте колбаску порежем. Еще у меня есть чудные маринованные грибочки!

Сергей Артамонович. Собственно говоря...

Костя. Предводитель, не гнушайтесь простым трудом, а то опять революции дождетесь!

Они уходят. Лидия Николаевна начинает накрывать на стол. Елена ей помогает.

Елена (*глядя им вслед*). Раньше папа таким не был. Он вообще не пил и думал только о своих опытах. Его даже на государственную премию выдвигали... Но однажды он пришел в понедельник на работу – и увидел, что в лаборатории евроремонт делают. А оборудование – папа его пятнадцать

лет конструировал – на свалку вывезли. Помещение, оказывается, продали под казино...

Юрий Юрьевич. Под какое казино?

Елена (*протирает рюмки*). «Золотой шанс».

Юрий Юрьевич. Что вы говорите?

Елена. В тот день папа впервые напился. Мама даже сначала обрадовалась: пусть уж лучше пьет. Папа ведь хотел сначала директора института убить – это он лабораторию закрыл...

Юрий Юрьевич. Я в этой квартире с ума сойду! Болик, ты слышал? Из-за чего, собственно, человек с катушек слетел? Ну закрыли твою лабораторию – найди себе другое дело! Я сначала джинсами торговал, потом водкой... Сейчас вот страховым бизнесом занимаюсь. И ничего!

Лидия Николаевна (*отрывается от сервировки стола*). А от чего вы боитесь?

Юрий Юрьевич. От всего. Но от глупости я не боюсь. Сломаться из-за какой-то дурацкой лаборатории!

Федор Тимофеевич. А если это было дело его жизни?

Юрий Юрьевич. Не бывает так! Не бывает! Дело – для жизни, а не жизнь – для дела!

Лидия Николаевна. Вы же Костю не знаете! Он с детства природой интересовался и всегда что-нибудь придумывал. Однажды, ему лет девять было, он меня спросил: «Мама, а если скрестить кактус и фикус, получится фиктус?» Я ему, конечно, сказала, что невозможно скрестить эти расте-

ния. Мы его даже потом «фигтурсом» дразнили. Очень обижался. И что вы думаете? Подрос – и скрестил... К нам со всего дома на это чудо смотреть приходили!

Федор Тимофеевич. Лида, зачем ты ему это рассказываешь? Он все равно не поймет.

Юрий Юрьевич. Да, не пойму! Я тупой. (Елене.) Вы тоже так считаете, Елена Константиновна?

Елена. Нет, вы совсем не тупой. И в том, что касается бизнеса, иногда принимаете такие решения, что я вами даже восхищаюсь. Но вместе с тем вы не понимаете самых простых вещей...

Юрий Юрьевич. Да! Не понимаю! Не могу, например, понять, зачем вы нацепили этот костюм? Даже не костюм, а мышиную шкурку в человеческий рост.

Елена. Я же говорю, самых простых вещей вы не понимаете.

*Возвращаются **Костя** и **Сергей Артамонович** с тарелками.*

Костя. Хорошие девочки – накрыли стол! А мы грибков, колбаски, сальца... Садимся!

Юрий Юрьевич. Болик, отстегни профессора! Пусть с общественностью клюкнет!

Болик. А он не будет драться?

Лидия Николаевна. Нет, нет... Он смирный.

Болик** направляется отстегивать профессора. Все рассаживаются. **Юрий Юрьевич** устраивается между **Еле-

ной и бабушкой. Сергей Артамонович – между Еленой и Костей.

Лидия Николаевна. Костя, надо Марину позвать!

Костя. Не надо. Она сказала, что мы давно чужие и моя жизнь ее не интересует. Чужой так чужой. Она, между прочим, за вещами своими приехала. За что пьем?

Сергей Артамонович. Станный вопрос! Конечно, за новоиспеченного графа Федора Тимофеевича. Погодите, граф сейчас спустится...

Костя. Папа, не томи!

Юрий Юрьевич. Болик, в чем дело?

Болик. Ключ от наручников не могу найти...

Юрий Юрьевич. Уволю! Ищи!

Болик начинает бродить по квартире в поисках ключа.

Сергей Артамонович. Ну ничего, мы графу наверх передадим.

Федор Тимофеевич. Я не пью по утрам. И я не просил вас делать меня графом!

Юрий Юрьевич. Давайте лучше выпьем за Костино открытие! Вы, кстати, пока о нем никому не говорили?

Костя. Нет.

Юрий Юрьевич. И не говорите. Пьем за открытие века!

Болик (*пытаясь отобрать рюмку у шефа*). Шеф, органолептика...

Юрий Юрьевич. Да иди ты со своей органолептикой! С чего ты взял, что меня здесь отравят? Интеллигентная се-

мья... Ищи ключи! (*Поворачивается к Елене.*) Елена Константиновна, вы же не станете меня травить?

Елена. Нет. Мне вас жалко!

Юрий Юрьевич. За фунговит!

Все выпивают и закусывают.

Сергей Артамонович. Ах, какие грибочки! Граф, грибочков!

Лидия Николаевна. Федя, я тебе сейчас подам...

Федор Тимофеевич. Не хочу.

Костя. Это ты, папа, зря. Грибы фактически заменяют мясо.

Сергей Артамонович. А правда, что грибы не растения, а скорее даже животные?

Костя. В известной степени, ведь они не синтезируют хлорофилл, как растения, а отбирают его у других, как животные.

Федор Тимофеевич. И новые русские.

Юрий Юрьевич. Болик, не надо искать ключи! Профессор еще наверху посидит.

Костя. Давайте выпьем за грибы – надежду всего человечества!

Лидия Николаевна. Костя, не части!

Все выпивают и закусывают. Болик вздыхает, завистливо поглядывая на выпивающих, бродит вдоль полка, берет большой альбом, садится в кресло и разглядывает картинки в течение всего разговора.

Костя. Теперь, после открытия фунговита, человечеству не страшен никакой голод. Мы накормим третий мир грибами! Никакого золотого миллиарда – грибов всем хватит. Это реальное, пищевое равенство!

Лидия Николаевна. Я всегда знала, что социализм победит. Пусть даже не с помощью пролетариата, а с помощью грибов.

Юрий Юрьевич. Скажите, а белых или, допустим, подосиновиков всем хватит?

Костя. Нет, конечно. Но есть ведь опять, сыроежки, валуи наконец...

Юрий Юрьевич. Равенства никогда не будет. Человек, которого кормят валуями, всегда будет мечтать о белых, в крайнем случае – о подосиновиках.

Лидия Николаевна. А я и не отрицаю классовую борьбу на первых порах. Но в конце концов человечество вырабатывает единый вид грибов, чтобы никто никому не завидовал.

Юрий Юрьевич. А если он окажется невкусным?

Лидия Николаевна. Какая разница? Других-то грибов не будет.

Елена. Не спорьте с бабушкой! Она до пенсии преподавала научный коммунизм в торговом институте и в совершенстве владеет диалектикой.

Сергей Артамонович. А вот я вам тоже сейчас про грибы расскажу. Однажды государь Александр Александрович собирал грибы. Прибегает вестовой и говорит, что пожало-

вал австрийский посланник. А государь и отвечает: «Пока русский царь грибы собирает, Европа может и подождать...»

Костя. Скучно... *(Начинает клевать носом, потом засыпает за столом.)*

Федор Тимофеевич. По-моему, Александр Третий говорил это про рыбалку.

Сергей Артамонович. И про рыбалку, и про грибы... Он это часто говорил.

Лидия Николаевна. Что вы тут из моего дома Дом Романовых устраиваете?

Сергей Артамонович. Виноват! Вам, конечно, про Ленина приятнее слушать?

Лидия Николаевна. Конечно.

Сергей Артамонович. Так вот, по телевизору сообщили, что ваш Ильич – гриб!

Лидия Николаевна. Что?! Вон из моего дома!..

Сергей Артамонович *(скорбно)*. К сожалению, вынужден покинуть...

Юрий Юрьевич. Сидите! Вы – заложник.

Елена. Бабушка, я тоже слышала по телевизору, что Владимир Ильич... гриб.

Костя *(сквозь сон)*. А Сталин тем более.

Лидия Николаевна. Леночка! Что ты такое говоришь? Ну ладно Сергей Артамонович, ему простительно: он монархист. Но ты! Твой прадед Николай Ферапонтович всем обязан партии и лично Ленину. Это ведь Ленин направил папу

поднимать парфюмерную промышленность, когда еще молодая советская республика задыхалась в кольце фронтов. И знаешь, что Ленин сказал Николаю Ферапонтовичу?

Сергей Артамонович. Конечно, что-нибудь про пролетариат!

Лидия Николаевна. Да. Угадали. Он сказал, что передовой класс не имеет права дурно пахнуть! И дедушка пронес этот наказ через всю жизнь. Первый выпущенный одеколон он назвал «Первая конная». А второй одеколон он назвал...

Юрий Юрьевич. «Вторая конная».

Сергей Артамонович (*хохочет*). Вторая конная! Замечательно! Я, пожалуй, молодой человек, помогу вам с дворянством. Для начала, конечно, с личным.

Лидия Николаевна. Если вы не можете покинуть мой дом, то я отказываюсь сидеть с вами за одним столом! (*Демонстративно взбирается на стремянку к профессору.*)

Из комнаты появляется Марина с чемоданом и огромной сумкой. Останавливается, с интересом прислушивается к разговору.

Елена. Давайте не будем ссориться! Мы так хорошо сидели. Я даже забыла, что я заложница...

Федор Тимофеевич. Это называется «Стокгольмский синдром», когда заложники начинают испытывать симпатии к террористу.

Юрий Юрьевич. Выпьем за «Стокгольмский синдром»! Костя, проснись и пей!

Елена. Не надо будить папу. Он ведь не спал всю ночь.

Марина. Он пьет только за похмельный синдром...

Юрий Юрьевич. И Марине налейте! Бабушка, за «Стокгольмский синдром»!

Лидия Николаевна. Я вам не бабушка! С тем, кто глумится над самым человеческим человеком, меня не примирит никакой «Стокгольмский синдром»!

Елена. Ну хватит! Давайте сменим тему... Юрий Юрьевич, у вас в кабинете висит львиная шкура. Я давно хотела спросить. Это вы убили?

Юрий Юрьевич. Я. В прошлом сезоне.

Елена. В таком случае, вы, наверное, знаете, что это за странные белые ленточки вплетены в львиную гриву?

Юрий Юрьевич. Понятия не имею.

Федор Тимофеевич. Ленточки? Ты не путаешь? Может, их вплели потом, когда льва убили?

Юрий Юрьевич. Лев с самого начала был с косичками. Может, папуасы вплели?

Федор Тимофеевич. Сами вы папуас. Вы где охотились?

Юрий Юрьевич. В Африке. В Тунгании.

Федор Тимофеевич. Тунгаи принадлежат к негрской расе большой негроидной расы и живут в Африке. А папуасы относятся к меланезийской расе большой австралоидной расы и живут в Новой Гвинее. Вы в школе-то хоть учились?

Юрий Юрьевич. Я и в институте учился. Но меня оттуда выгнали.

Федор Тимофеевич. Оно и видно!

Сергей Артамонович. Не обращайтесь внимания. Рассказывайте! Так по сколько львов вы забиваете за сезон?

Юрий Юрьевич. Львы – не бараны. Их не забивают, а берут!

Сергей Артамонович. Ну и сколько вы берете?

Юрий Юрьевич. Одного, если повезет. Вы думаете, так легко получить лицензию на отстрел? Ничего подобного! Я член международного «Сафари-клуба», плачу взносы... (*Смотрит на Лидию Николаевну.*) Да, взносы! И немалые... Но все равно приходится стоять в очереди за лицензией.

Лидия Николаевна. Ага! А обещали, что при вашем проклятом капитализме не будет очередей!

Елена. Бабушка, ну ты сравнила: очередь за колбасой и очередь за львами.

Лидия Николаевна. Не вижу принципиальной разницы. Я вообще не понимаю такого общественного устройства. Кто-то собирает бутылки, а кто-то со львами развлекается...

Марина. Скажите, Юрий Юрьевич, а лицензия дорого стоит?

Юрий Юрьевич. Не скажу. Но это ерунда по сравнению с тем, сколько я заплатил за мой карабин «холланд-холланд».

Марина. А сколько вы заплатили за ваш карабин «холланд-холланд»?

Юрий Юрьевич. Не важно. Охота на львов – дорогое удовольствие... Это вам не грибы собирать!

Костя *встрепенулся и открыл глаза.*

Костя (*агрессивно*). А что вы, собственно, имеете против грибов?

Юрий Юрьевич. Вы меня неправильно поняли...

Костя (*еще агрессивнее*). Все я правильно понял!

Марина. Началось! Константин, успокойся: тебя никто не хотел обидеть!

Костя. Не успокоюсь.

Сергей Артамонович. Господа!

Лидия Николаевна. Товарищи!

Сергей Артамонович. Господа...

Лидия Николаевна. Товарищи...

Сергей Артамонович. Товарищи, ну дайте же господину рассказать про львов! Значит, вы получили лицензию, и что же дальше?

Юрий Юрьевич. Дальше нужно подготовить специальную засидку на дереве неподалеку от того места, где обитает львиная семья...

Костя. Прайд.

Юрий Юрьевич. Что?

Костя. Прайд. Львиная семья называется прайд и состоит из шести-восьми особей.

Юрий Юрьевич. Пусть будет прайд. Мне все равно. Потом мы идем в поселок и покупаем у папуасов... то есть у негроидной расы большой негрской расы мясо – целую корову.

Лидия Николаевна. И сколько стоит целая корова?

Юрий Юрьевич. А вам-то зачем?

Лидия Николаевна. Просто интересно, почем в Африке мясо?

Юрий Юрьевич. Долларов двести-триста...

Лидия Николаевна. Дороговато. При советской власти мясо было дешевле.

Марина. Да, помню, было дешевле. Только его не было.

Елена. Бабушка, мама, не мешайте! Рассказывайте, Юрий Юрьевич!

Юрий Юрьевич. Ну вот... Вешаем корову на соседнем дереве и ждем в засидке...

Сергей Артамонович. Чего ждете?

Юрий Юрьевич. Львов, естественно. Поначалу, конечно, появляются самки. У львов в... прайде... пищу добывают в основном самки...

Марина. Как это по-русски!

Юрий Юрьевич. Но самки нам не нужны.

Елена. Почему?

Юрий Юрьевич. Ну сами посудите, зачем нам шкура без гривы? У самок же нет гривы.

Костя (мстительно). Как это по-русски!

Юрий Юрьевич. В общем, мы ждали три дня. И дождались! Он появился внезапно. Огромный. Даже издавшие виды проводники остолбенели. Эти ленточки издали казались сединой в его буйной гриве. Ударом гигантской лапы он сва-

лил коровью тушу на землю и откусил сразу половину...

Костя. Врете!

Юрий Юрьевич. Почему это я вру?

Костя. Потому что зубная формула не позволяет льву откусить сразу половину коровы. Лев – не динозавр.

Юрий Юрьевич (*вскакивая*). Да что ж это такое! То мне морочили голову большой негроидной расой, теперь – какой-то зубной формулой! Не буду дальше рассказывать! Не буду...

Елена. Юрий Юрьевич, не сердитесь! Я даже не знала, что вы такой обидчивый. Рассказывайте дальше, прошу вас!

Юрий Юрьевич. Я забыл, на чем остановился.

Сергей Артамонович. Лев откусил полкоровы...

Юрий Юрьевич. Откусил. Возможно, и не полкоровы, но откусил. И тут я выстрелил...

Федор Тимофеевич. Напрасно вы это сделали!

Юрий Юрьевич. Что значит напрасно! Я же заплатил за лицензию.

Лидия Николаевна. Долларами небось?

Юрий Юрьевич. Конечно, долларами.

Лидия Николаевна. Я всегда говорила, что капитализм – злейший враг живой природы!

Сергей Артамонович. Ай, бросьте! Знаем, как ваши члены Политбюро поохотиться любили.

Елена. Ну дайте же человеку рассказать! Значит, вы попали?

Юрий Юрьевич. Конечно, попал! Другой бы лев после такого выстрела упал замертво. Но не этот... Он зарычал так, что задрожала саванна, тряхнул белой от ленточек гривой и ушел. Мы бросились за ним по кровавому следу. Проводники меня отговаривали, умоляли, что-то лопотали на своем языке... большом негроидном. Но я послал их, сами знаете куда, на нашем великом и могучем...

Федор Тимофеевич. Зря вы их не послушали. Они знали, что говорили.

Елена. Да, зря вы преследовали раненого льва. Это же очень опасно!

Юрий Юрьевич. Еще бы! Я чуть не наступил на черную мамбу. Это страшная змея! Местные называют ее «семь шагов».

Елена. Почему «семь шагов»?

Юрий Юрьевич. Потому что после укуса человек делает семь шагов и умирает в страшных муках.

Костя. Ерунда. Ядовитость мамбы сильно преувеличена. После укуса человек совершенно спокойно может прожить еще минут пятнадцать-двадцать...

Юрий Юрьевич. Да что же это такое! Что бы я ни сказал – все не так! Может, я вам вообще не нравлюсь?

Костя. А с какой стати вы должны нам нравиться? Мне вообще не нравятся люди с деньгами. Они – жулики.

Марина. Константин, заткнись!

Елена. Папа, все-таки Юрий Юрьевич у нас в гостях...

Федор Тимофеевич. В гостях? Что-то не припомню, чтобы его кто-нибудь приглашал. И вообще, если память мне не изменяет, — мы заложники.

Юрий Юрьевич (*вскакивая*). Да, вы заложники! Но не мои... Вы заложники собственной никчемности. Кто вы такие? Что вы в жизни можете? Книжки читать и бить себя в честную грудь! Сидеть на стремянке и ругать жизнь за то, что она не такая, как в книжках? Все, кто умеет зарабатывать, для вас — воры. А вы? Вы-то на что способны? Бутылки собирать? Кофе за двадцать долларов продавать?! Пока вы росли в тепленьких наркомовских квартирах — я боролся за жизнь...

Лидия Николаевна. Спекулировали.

Юрий Юрьевич. Да! Спекулировал, потому что сам хотел сделать свою жизнь лучше, а не ждать, когда это сделает ваша партия. Пока вы научный коммунизм преподавали — я джинсами торговал, потому что из-за вашего научного коммунизма люди штанов себе купить не могли.

Лидия Николаевна. Люди штаны не могли себе купить из-за таких, как вы. Это вы создавали искусственный дефицит в стране! Вы — вредитель!

Юрий Юрьевич. Вредитель? Так расстреляйте меня! Расстреляйте... Сталинистка вы красно-коричневая!

Костя. Как вы разговариваете с моей мамой, гад!

Юрий Юрьевич. Костя, не лезьте!

Костя. Я вам не Костя!

Юрий Юрьевич. Виноват, граф! Нижайше прошу вас не лезть, иначе мне придется съездить по вашей благородной физиономии!

Марина. Костя! Прекрати! Как не стыдно!

Костя. Не ори! Не на рынке...

Юрий Юрьевич. Да, Марина, идите вы... лучше куртками торговать!

Костя. А кто вам позволил так разговаривать с моей женой?

Юрий Юрьевич. А почему я должен спрашивать позволения? Что хочу – то и говорю!

Лидия Николаевна. Вы сейчас же покинете мой дом!

Юрий Юрьевич. Не покину. Болик! Куда ты запропастился? Заложники совсем обнаглели!

Болик откладывает альбом и подходит к столу.

Болик. Не надо было с ними выпивать.

Костя. Последний раз говорю: покиньте дом! В противном случае я вас... я вас...

Юрий Юрьевич. Ну и что вы сделаете?

Костя. Я вызову вас на дуэль!

Марина. Алкоголики на дуэлях не дерутся.

Костя. Еще как дерутся!

Елена. Папа!

Лидия Николаевна. Какая дуэль? Костя, прекрати сейчас же этот феодализм!

Елена. Папа, Юрий Юрьевич, вы совсем с ума сошли!

Костя. Я вас вызываю!

Юрий Юрьевич. Ну и где ваша перчатка, граф, или ты в меня грибом кинешь? Фиктус...

Костя. Что? Вот тебе моя перчатка! (*Выплескивает водку в лицо Юрию Юрьевичу.*)

Смятение. Марина оттаскивает Костю. Болик протирает глаза шефу.

Болик. Ну как вы, патрон?

Юрий Юрьевич. Видеть, кажется, буду...

Елена. Потерпите, Юрий Юрьевич, сейчас пройдет!

Марина (*Косте*). Сейчас же извинись перед человеком!
Это где ж ты выучился водку в лицо людям плескать?!

Лидия Николаевна. Да, Костя... Нехорошо...

Федор Тимофеевич. Правильно, сынок! Так их – хозяев жизни!

Марина. Ты чего завелся?

Костя. Это все из-за того, что ты мне сказала...

Марина. Что я тебе сказала?

Костя. Что мы чужие.

Марина. А разве не так?

Федор Тимофеевич. Эх, вы!

Марина. Он сейчас извинится!

Юрий Юрьевич. Никаких извинений! Мне еще никогда не плескали в лицо водкой!

Лидия Николаевна. То ли еще будет, когда очнется одураченный вами народ!

Юрий Юрьевич. Никогда он не очнется.

Лидия Николаевна. Еще как очнется! Очнется и разорвет вас на ваучеры!

Сергей Артамонович. Обязательно очнется! И призовет на царствование законного государя императора...

Лидия Николаевна. Опять вы за свое?

Сергей Артамонович. Как предводитель районного дворянства, я просто обязан вмешаться. Итак, согласно кодексу генерала Дурасова мы имеем оскорбление третьей степени. Самое тяжкое оскорбление – действием. В восьмьсот семнадцатом году поручик Дубинский плеснул жженкой в лицо корнету Яковлеву. В результате...

Лидия Николаевна. Вы еще драки неандертальцев вспомните! Мы же цивилизованные люди.

Сергей Артамонович. Итак, согласно дуэльному кодексу генерала Дурасова оскорбленный действием имеет право на выбор дистанции. Кроме того, он имеет право употребить знакомое и привычное ему оружие. Сначала – дистанция.

Юрий Юрьевич. Как можно ближе!

Костя. Еще ближе!!

Сергей Артамонович. Восемь шагов между барьерами...

Костя. Семь!

Юрий Юрьевич. Отлично! Семь шагов!

Сергей Артамонович отмеряет шаги и устанавливает Маринины сумку и чемодан в качестве барьеров.

Лидия Николаевна. Что вы делаете? Федор, скажи им!

Федор Тимофеевич. Сергей Артамонович, мне кажется, вы увлеклись. Прекратите комедию!

Сергей Артамонович. В вопросах чести я неумолим. Теперь – оружие. Выбирайте!

Юрий Юрьевич. Пистолет! Болик, дай пистолет!

Болик. Патрон, вообще-то разрешение на меня выписано...

Юрий Юрьевич. Уволю вместе с разрешением. Давай пистолет!

Болик нехотя отдает пистолет.

Сергей Артамонович. Есть в доме еще огнестрельное оружие?

Федор Тимофеевич. Мы на львов не охотимся.

Сергей Артамонович. А что-нибудь колюще-режущее?

Марина. Кроме столовых ножей, ничего нет. И то все тупые...

Костя. Я наточу.

Тем временем Лидия Николаевна пытается тихо вынести из комнаты пику.

Болик. Оставьте пику!

Костя. Пика... Точно! Знакомая пика. Я еще в детстве ею играл. Я выбираю пику.

Елена. Папа, она же острая!

Сергей Артамонович. Вот и славненько! Теперь секунданты...

Юрий Юрьевич. Болеслав!

Болик. Может, не надо...

Юрий Юрьевич. Уволю!

Костя. Марина, может быть, ты?

Сергей Артамонович. Лица, состоящие в родственных и брачных отношениях, исключаются.

Костя. Вот видишь, если бы мы развелись, ты могла бы стать моим секундантом!

Марина. Успеем еще развестись.

Лидия Николаевна. Бред какой-то! Прекратите сейчас же!

Сергей Артамонович. Графиня, позвольте... Вашим секундантом, молодой граф, буду я. Согласны?

Костя. Прекрасно. Можно сходитьсь?

Сергей Артамонович. Погодите! Знаете, в чем главная задача секундантов?

Юрий Юрьевич. Увезти с места дуэли труп?

Сергей Артамонович. Ничего подобного! Согласно кодексу генерала Дурасова секунданты обязаны сделать все, чтобы закончить дело миром...

Лидия Николаевна. Слава богу!

Сергей Артамонович. Господа, не угодно ли вам мириться?

Елена. Юрий Юрьевич, я вас прошу! Помириться с папой! Я вернусь на работу. И буду одеваться так, как вам нравится!

Юрий Юрьевич. Мне еще никто не плескал в лицо воду!

Костя (*потрясая пикой*). Елена, отойди от этого человека! Что, испугались! Это вам не на безоружных львов охотиться...

Юрий Юрьевич. Примирение невозможно.

Сергей Артамонович. Тогда к барьеру!

Дуэлянты встают к барьеру.

Сергей Артамонович. Сходитесь!

Начинают медленно сходиться.

Лидия Николаевна. Марина! Ну сделай что-нибудь! Я знаю, ты никогда не любила Костю... Но мыто его любим! Марина!

Марина. Костя!

Дуэлянты тем временем дошли до барьера.

Костя. Что тебе?

Сергей Артамонович. Не отвлекайте графа! Это дуэль, в конце-то концов!

Марина. Костя, если ты отдашь пикку – я к тебе вернусь. Прямо сегодня. Если хочешь – сейчас...

Костя. Правда?

Марина. Правда.

Костя опускает пикку.

Сергей Артамонович. Что вы делаете, граф! Отказ от дуэли согласно кодексу генерала Дурасова приравнивается...

Костя. Да идите вы со своим генералом Дурасовым! Не желаю я ни с кем драться...

Юрий Юрьевич. Сейчас пожелаешь! Знаешь, кто продал твою лабораторию под казино «Золотой шанс»?

Костя. Кто?

Юрий Юрьевич. Я.

Костя. Негодяй!

Елена. Юрий Юрьевич, как вы могли?!

Юрий Юрьевич. Мог! Представилась такая возможность, и откусил. Зубная формула мне, слава богу, позволяет...

Костя. Я убью тебя, гад! *(С воплем бросается на Владимира и втыкает ему пилу в живот.)*

Юрий Юрьевич стреляет **Косте** в лицо. **Костя** делает, шатаясь, несколько шагов.

Костя *(падая)*. Семь шагов...

Марина *(бросаясь к нему)*. Костя! Что с тобой?

Юрий Юрьевич *(падая)*. Кругом обман...

Елена *(бросаясь к нему)*. Юра, Юрочка, не умирай!

Занавес.

Акт второй

Та же квартира. Профессор все еще на стремянке. Дремлет. У стола сидят, обнявшись, Марина и Елена, одетая в новый брючный костюм. На диване храпит Лукошкин, накрывшись газетой «Монархист».

Марина (*грустно, продолжая рассказ*). ...Костя потом однажды признался, что полюбил меня с первого взгляда, но все не решался подойти. А я на первом курсе с одним проходимцем связалась. Сына от него даже хотела... Такого же талантливого. Дура! Я ведь в институтском ансамбле пела...

Елена. Ты? Пела?

Марина. Я... Теперь, конечно, не спою... Голос пропал. На рынке все время орешь, и ноги зимой мерзнут. А тогда знаешь как я пела! «Все могут короли, все могут короли...» А он – на ударных, как молодой король! (*Имитирует игру на барабанах, спохватывается, озираясь.*) Спит Федор Тимофеевич?

Елена. Спит.

Марина. Потом раскусила я этого ударника... У него таких, как я, дурочек, пол-института оказалось. Ну я и психанула! Правильно, между прочим, сделала. Король этот потом спился и сгулялся. Встретила я его лет пять назад в одном ресторане: лысый, замызганный, и руки трясутся, как у Кости по утрам. А теперь и вообще, говорят, помер. Нет, пра-

вильно я тогда сделала – легла в больницу – ну и... сама понимаешь...

Елена. И сколько бы ему сейчас было?

Марина. Ударнику?

Елена. Нет, моему брату...

Марина. Тридцать.

Елена (*задумчиво*). Как Юрию Юрьевичу... А папа ничего не знал?

Марина. В том-то и дело, что знал! Выхожу через три дня из больницы – бледная, страшнущая, а Костя меня встречает с букетом роз. Наверное, девчонки проболтались. Я заплакала. Это ведь из роддома жену обычно с цветами встречают. А он меня – наоборот... Понимаешь?

Елена. Понимаю.

Марина. И буквально на ступеньках мне предложение сделал, повез с родителями знакомиться. Они мне сразу понравились. Даже дух перехватило: такая квартира после студенческой общаги! А вот я им сразу не понравилась: какая-то девчонка из Лихославля...

Елена. По-моему, ты к ним несправедлива!

Марина. Не-ет! Они сразу поняли, что Костя от меня без ума, а вот я...

Елена. Что – ты?

Марина. Я его уважала, восхищалась его умом и настойчивостью...

Елена. И изменяла ему.

Марина. Ты-то откуда знаешь?

Елена. Дети очень наблюдательны. Неужели ты папу ни-сколечко не любила?

Марина. А что такое любовь?

Елена. Любовь... Это когда он на тебя смотрит, а у тебя мурашки... Когда он говорит, а у тебя вот здесь (*кладет ладонь себе на грудь*) теплеет... Когда он случайно до тебя дотронется, а тебя как током...

Марина. Током убить может! Любовь, девочка моя, – это вроде симбиоза в природе. Когда порознь не выжить. Понимаешь?

Елена (*вздыхая*). Понимаю.

Марина. Ничего ты не понимаешь! И я не понимала... Когда тридцать лет просыпаешься утром в постели с одним и тем же мужчиной – это тоже любовь. Знаешь, в какой момент я это вдруг поняла?

Елена. В какой?

Марина. Когда твой в Костю выстрелил.

Елена. Поздно же ты это поняла, мама!

Из комнаты появляется Лидия Николаевна.

Лидия Николаевна. Марина, ты можешь проститься с Костей.

Марина. Да, конечно...

Лидия Николаевна. Будешь уходить, ключи от квартиры оставь. Они тебе больше не понадобятся.

Елена. Бабушка!

Лидия Николаевна. Так надо!

Марина. Я повешу на гвоздик в прихожей... (*Уходит в комнату.*)

Лидия Николаевна (*мужу*). Ядрило, чай будешь?

Федор Тимофеевич (*дергая наручник*). Ну какой чай. Издеваешься?!

Елена. А мы, дедушка, думали, ты спишь...

Федор Тимофеевич. Это только попугай на жердочке спать умеют. Найдите же, наконец, этот чертов ключ от наручников! Я же не водонапорная башня!

Елена. Бабушка, давай их выпустим! Может, Болик вспомнит все-таки, куда ключ подевал.

Тем временем зашевелился и протер глаза **Сергей Артамонович.**

Сергей Артамонович. Вообще-то государь император Николай Павлович приказывал сажать участников дуэлей в крепость, если в живых остались... И держать там на хлебе и воде.

Лидия Николаевна. Не надо о воде! (*Кивает на профессора.*) Насколько же спящий монархист лучше бодрствующего!

Сергей Артамонович. То же самое могу сказать о коммунистах.

Лидия Николаевна. Ладно, выпускай своего террориста!

Елена отпирает дверь комнаты. Оттуда выходит Бо-

лик.

Елена. Вы свободны! А где твой патрон? Что с ним?

Болик. Он мне больше не патрон.

Елена. Почему?

Болик. Он меня уволил.

Елена. И тебя тоже? За что?

Из комнаты выскакивает Юрий Юрьевич. Он в ярости.

Юрий Юрьевич. И вы еще спрашиваете? Кругом обман! *(Болику.)* Почему ты мне не сказал, что завалил экзамен по стендовой стрельбе и тебе дали лицензию только на газовый пистолет?

Болик. Вы бы меня тогда на работу не взяли.

Юрий Юрьевич. Конечно, не взял бы! Зачем мне дурачок с хлопушкой? А если бы люди Калманова напали? Тогда что?! Ладно, допустим, газовый пистолет... Но почему со слезоточивым газом? Есть же в конце концов нервно-паралитический!

Болик. Нервно-паралитический газ опасен для здоровья.

Юрий Юрьевич. Нет, вы слышали! Опасен для здоровья... Это такие телохранители, как ты, опасны для здоровья.

Елена. Юрий Юрьевич, вы не только должны срочно восстановить Болика на работе, но просто обязаны выдать ему премию.

Юрий Юрьевич. Премию? За что?!

Елена. Как за что?! Если бы в пистолете были настоящие

патроны, то вы бы убили человека. Моего отца... Понимаете?

Юрий Юрьевич. Да, в самом деле... Но если бы не мой бронежилет, то ваш отец убил бы меня! *(Делает резкое движение и хватается за бок.)*

Елена *(сочувственно)*. Больно?

Сергей Артамонович. Как ваш бок?

Юрий Юрьевич. Плохо мой бок! Кругом один обман! В рекламе написано: «Выдерживает залп картечи в упор...» Слышали: залп картечи! *(Болику.)* Принеси жилет!

Федор Тимофеевич. В племени мататуев есть такая поговорка: тот, кто крадет чужие ракушки, однажды будет спать не на шкуре, а на голой земле...

Юрий Юрьевич. При чем тут какие-то мататуи?

Федор Тимофеевич. А при том. Тот, кто строит свое благополучие на обмане других людей, обязательно будет обманут и сам.

Болик возвращается и подает жилет.

Елена *(берет в руки жилет)*. Совсем легкий!

Юрий Юрьевич *(отбирает жилет)*. Вот посмотрите! Залп картечи... Какой-то пикой – и почти проткнул! Еще чуть-чуть – и меня бы, как бабочку – булавкой!

Лидия Николаевна. Костя вложил в удар всю свою классовую ненависть к эксплуататорам.

Сергей Артамонович. Ошибаетесь, силу ему придала оскорбленная дворянская честь!

Тем временем появляется Марина. Берет, осматривает жилет.

Марина. Ерунду вы все говорите. Вот видите, здесь маленькими буквами написано: «Сделано в Польше».

Юрий Юрьевич. Вот мерзавцы! А говорили: американский...

Елена. Как папа?

Марина. Глаза еще слезятся. Скоро выйдет. Но с вами, Юрий Юрьевич, встречаться ему не хотелось бы.

Юрий Юрьевич. Да, конечно, засиделись мы тут у вас. Пора и честь знать. Можно только один звонок сделать? Узнать, как там дела с Калмановым. Я знаю, десять долларов...

Елена. Мама пошутила. Звоните!

Владимирцев набирает номер. Занято. Снова набирает.

Лидия Николаевна. Калманов... У нас в пункте приема посуды работает... Нет, его фамилия – Калганов. А чем этот ваш Калманов занимается?

Юрий Юрьевич (*набирая номер*). Прачечная у него. Называется «Надежный кредит».

Лидия Николаевна. Странное название для прачечной.

Юрий Юрьевич. Обычное название. Сдаешь грязные деньги – получаешь чистые. Но гораздо меньше.

Лидия Николаевна. Я что-то не пойму...

Елена. А тебе, бабушка, и не надо ничего понимать.

Юрий Юрьевич (*в трубку*). Полина, это я. Жив, кажет-

ся... Почему у тебя все время занято?.. Зачем ты в милицию звонила?.. Что-о? А ты-то где была?.. В какую еще парикмахерскую? Я же сказал: от телефона не отходить. Потом поговорим. Что там с Калмановым?.. Так и не нашли? Плохо, очень плохо! Перезвоню... Что я забыл?.. Да, конечно, целую.

Елена хмурится. Владимирцев вешает трубку. Садится обескураженный.

Елена (ехидно). Ну и что же случилось, пока Полина ходила в парикмахерскую?

Юрий Юрьевич. Люди Калманова залезли в наш офис. Все перерыли...

Елена. А что они искали в офисе?

Юрий Юрьевич. Меня искали. Унесли львиную шкуру...

Елена. Шкуру?

Федор Тимофеевич. Шкуру? Я так и знал...

Елена. Но почему именно львиную шкуру? У вас в кабинете хорошая видеотехника. И Малевич висит...

Марина. Малевич? Ого!

Елена. Да! «Малый черный квадрат». Зачем им шкура?

Юрий Юрьевич. Вы хоть знаете, сколько стоит эта шкура? А в «черных квадратах» черные не разбираются. Я, честно сказать, тоже не разбираюсь. Ну, квадрат и квадрат...

Елена. Думаете, шкуру они из-за денег взяли?

Юрий Юрьевич. А из-за чего еще! Все из-за денег...

Скоро и до моей шкуры доберутся. Как же это погано, когда за тобой охотятся! Бедные львы... Я только сейчас понял, как им тяжело живется! Выслеживают, подкарауливают, идут по пятам... А потом – хрясь разрывной пулей в сердце. Вот сюда... Ладно, Болик, пошли! (*Надевает бронезилет.*) Проверь свою семизарядную вонючку! Встретим врага в чистом поле...

Елена (*заступая дорогу*). Стойте! Я никуда вас не пущу!

Юрий Юрьевич (*оглядывая ее*). А вам идет этот брючный костюм...

Елена. Мама, бабушка, не отпускайте их!

Лидия Николаевна. Почему?

Елена. Они не завтракали. А я блинчики сделала.

Марина. С творогом?

Елена. Да.

Марина. Изюм не забыла?

Марина и Елена уходят на кухню.

Сергей Артамонович (*глядя вслед Елене*). Какая грация! Порода! Одно слово – графиня!

Юрий Юрьевич. Вы считаете?

Сергей Артамонович. Конечно! Порода выражается во всем! Посмотрите на Федора Тимофеевича. Вроде бы обычный старичок на стремянке. Но приглядитесь – как сидит!

Болик. А ведь верно, если приглядеться...

Лидия Николаевна. Вместо того чтобы приглядываться – лучше бы освободили человека!

Болик. У вас есть ножовка по металлу?

Федор Тимофеевич. Лидя, посмотри в прихожей...

Лидия Николаевна уходит в прихожую.

Марина и Елена приносят еду, расставляют на столе.

Все рассаживаются вокруг стола.

Елена. Надо папу позвать.

Марина. Захочет – сам выйдет.

Возвращается Лидия Николаевна с ножовкой. Болик

начинает пилить наручники.

Сергей Артамонович (поедая завтрак). Какие дивные блинчики!

Лидия Николаевна. Это Леночка у нас так вкусно готовит! Федя, хочешь? С кофейком?

Федор Тимофеевич. Я же просил!

Болик. Вот черт – крепкие наручники!

Юрий Юрьевич. Пилите, Болик, пилите!

Елена. Пусть Болик поест.

Юрий Юрьевич. Перепилит – тогда поест. Он не заслужил еще такие восхитительные блинчики. Елена Константиновна, вы изумительная хозяйка!

Елена. А вы, оказывается, умеете говорить комплименты!

Юрий Юрьевич. Я и не такое умею... Надеюсь, у вас еще будет возможность оценить меня по-настоящему.

Елена. Вряд ли у вас будет такая возможность.

Юрий Юрьевич. Почему же?

Елена. Вам нельзя довериться!

Юрий Юрьевич. Откуда такое убийственное мнение?

Елена. Из ваших финансовых документов. Человек, который так нахально обманывает государство и клиентов, способен обмануть и женщину...

Сергей Артамонович. Это верно. Когда государыне императрице Екатерине Алексеевне доложили о взятках, которые светлейший князь Потемкин-Таврический берет с купцов...

Лидия Николаевна. Опять?

Сергей Артамонович. Никакой свободы слова!

Юрий Юрьевич. Значит, по-вашему, лучше быть бедным, но честным?

Елена. Конечно! Дедушка, помнишь, ты говорил эту половицу про чистую совесть...

Федор Тимофеевич. Да. В страну предков ничего с собой нельзя унести из этого мира, кроме чистой совести.

Болик. Не шевелитесь, профессор! Ну вот... пилка сломалась.

Елена. Дикари – а лучше некоторых бизнесменов понимают!

Юрий Юрьевич (*вскакивает из-за стола*). К черту! Все к черту! Вы думаете, это легко – не спать по ночам, соображая, как бы обмануть кого-нибудь до того, как он обманет тебя? Думаете, это просто – постоянно изобретать, как ловчее сунуть взятку чиновнику... Я однажды десять тысяч долла-

ров в вазу засунул и одному хмырю на День цветов презентовал, а он ничего не понял и в тот же день передарил вазу жене министра. Прихожу к нему через неделю за лицензией, он на меня смотрит и ждет... Я спрашиваю: ну как ваза? А он отвечает: «Ваша ваза жене министра понравилась, так понравилась...»

Марина. У нас на рынке тоже... Без взятки не суйся. Лицензию-то он вам выдал?

Юрий Юрьевич. Выдал. Содрал с меня еще пять штук и выдал. А министр его через месяц представил к ордену «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени... Решено! Я больше не занимаюсь бизнесом. Ищу себе другую работу.

Лидия Николаевна. Зачем вам работа? У вас небось в Швейцарии счет!

Юрий Юрьевич. Ошибаетесь. У меня ничего нет. Недвижимость была записана на бывшую жену. Для сохранности. И теперь сохранять эту недвижимость ей помогает половина мужского населения Кипра...

Марина. А квартира? Шестикомнатная на Плющихе!

Юрий Юрьевич. Квартиру скоро отберут. Я взял кредит под квартиру...

Марина. Продайте Малевича. Я читала, что он стоит бешеных денег!

Юрий Юрьевич. Это подделка... Правда, очень хорошая подделка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.